

М. А. Волхонский

Завоевание или добровольное присоединение? Политический процесс инкорпорации Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи. 1796–1801 гг.

Михаил Алексеевич Волхонский, канд. ист. наук, ст. науч. сотр.
Центра проблем Кавказа и региональной безопасности
Института международных исследований МГИМО МИД России.
E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

Аннотация. В статье освещается политический процесс присоединения в 1801 г. Картли-Кахетинского царства к Российской империи, который стал итогом развития российско-грузинских отношений во второй половине XVIII в. В статье показано, что военно-политическая слабость грузинского царства стала основной причиной неэффективности заключенного в 1783 г. Георгиевского трактата, согласно которому Россия брала под свой протекторат Восточную Грузию. Осознание этого факта заставило как грузинские, так и российские правящие верхи начать искать новые формы союзных отношений. Развернувшаяся после смерти царя Ираклия II между представителями царского рода борьба за престол значительно ослабила грузинское царство. Перед лицом внешней угрозы со стороны Ирана единственным способом сохранить Восточную Грузию от разорения стало ее присоединение к России.

Ключевые слова: Российская империя, Картли-Кахетинское царство, Павел I, Александр I, Ираклий II, Георгий XII, Георгиевский трактат, манифест 12 сентября 1801 г.

Присоединение в 1801 г. Картли-Кахетинского царства к Российской империи является ключевым событием, определившим на столетие вперед политическую историю кавказского региона. Несмотря на то что нас отделяет от этого события более чем два века, оно по-прежнему актуально, вызывает горячие дискуссии среди историков и политологов. Особенное значение данное событие имеет для грузинской историографии. Так, по мнению грузинских исследователей Отара Джанелидзе и Георгия Сиамашвили, в современной грузинской историографии «наиболее дискутируемыми темами являются история Георгиевского трактата 1783 г., аннексия Грузии Россией в 1801 г., заговоры и вооруженные восстания против колониального режима российского самодержавия в XIX в. ...» [7, с. 246]. К сожалению, не вдаваясь в подробный анализ исторических источников, грузинские исследователи довольствуются уже готовыми, чрезмерно политизированными шаблонными интерпретациями этих значимых для них исторических событий [10; 11]. Так, в качестве главной причины присоединения Восточной Грузии в 1801 г., как правило, указывается на якобы априори присущее России агрессивное стремление к расширению своей территории, а также приобретению колоний [7, с. 245].

Дело, конечно, не в том, что сейчас такие высказывания принято трактовать как проявление явной «русофобии». А дело в том, что они противоречат свидетельствам исторических источников. С нашей точки зрения, вопрос о характере присоединения Картли-Кахетинского царства вообще не должен решаться путем исключительного выбора между двумя существовавшими

в историографии интерпретациями — «добровольное присоединение» или «завоевание». Оба этих взгляда сформировались в свое время под явным давлением политической и идеологической конъюнктуры и имеют упрощенный характер. Кроме того, исследователи часто злоупотребляли таким аналитическим приемом, как экстраполяция известного им конечного результата (в данном случае присоединение Картли-Кахетинского царства к Российской империи) на всю предшествующую ему причинно-следственную цепочку исторических событий. Как правило, это приводит к искажению тех целей, а также — тех мотивов, которыми руководствовались исторические деятели, принимая те или иные политические решения. Другими словами, не следует думать, что правящие верхи Российской империи всю вторую половину XVIII в. мечтали о присоединении или, как утверждают грузинские историки, о завоевании Восточной Грузии, только потому, что итогом российско-грузинских отношений стал манифест Александра I от 12 сентября 1801 г. Следует обратить особое внимание на анализ контекста, на ситуативно формировавшиеся мотивы и цели, которыми руководствовались при принятии политических решений в Петербурге или в Тифлисе в тот или иной момент развития российско-грузинских отношений. Только в этом случае мы сможем получить целостную, более или менее адекватную картину того, каким образом состоялось присоединение Картли-Кахетинского царства к Российской империи.

Начальной точкой в исследуемой последовательности исторических событий, приведших к присоединению Восточной Грузии к России, безусловно, является подписание в августе 1783 г. Георгиевского трактата. Как показало исследование О. П. Марковой [9], трактат являлся частью, выстраиваемой светлейшим князем Г. А. Потёмкиным на южных рубежах Российской империи сложной внешнеполитической системы. Ее смысловым ядром являлась вынашиваемая русской дипломатией с 1760-х гг. идея создания на южных границах империи «барьера» из владений дружественных ей местных правителей. «Барьер» должен был играть роль своего рода буфера между Россией, Турцией и Ираном, с тем чтобы снизить «трение» между тремя державами.

Однако проект провалился в силу разных причин. Во-первых, стороны — правящие верхи Российской империи и царь Ираклий II — либо плохо понимали, либо не принимали в расчет истинные мотивы и цели друг друга при заключении Георгиевского трактата. В Петербурге хотели, создав в Закавказье «барьер», снизить военно-политическую напряженность с Турцией и Ираном. Российские верхи малыми военно-политическими затратами хотели достигнуть больших стратегических целей. Именно этим объяснялось, что несмотря на просьбы Ираклия II прислать как можно больше русских войск, в Восточную Грузию было введено всего два батальона егерей, в задачу которых входила прежде всего оборона царства. Но грузинский царь вынашивал другие планы. Русские войска ему нужны были не для обороны, но для проведения завоевательной, агрессивной политики. Целью Ираклия II являлось, опираясь на русские штыки, стать региональным гегемоном. Такая политика заведомо должна была встретить сопротивление со стороны не только Турции и Ирана, но также других закавказских «владельцев». Именно это обстоятельство не взяли во внимание в Петербурге. Российские правящие верхи явно недооценили степень возможного силового давления, которое могли оказать Турция и Иран на Восточную Грузию, чтобы вывести ее из-под протектората России. В результате Георгиевский трактат стал причиной: сначала разорения Картли-Кахетии в 1784—1786 гг. массированными набегами турецких и «лезгинских» отрядов, затем в 1787 г. объявления Турцией войны России, а в конечном итоге в 1795 г. погрома персами Тифлиса и всей Восточной Грузии, что в свою очередь вызвало русско-персидскую войну 1796 г. [2, с. 10—189].

На фоне этих событий в Петербурге, наконец, поняли, что Картли-Кахетинское царство в военно-политическом отношении было слишком слабым, чтобы играть роль союзника России, а также ключевого элемента закавказского «барьера». Во время Персидского похода 1796 г. из Петербурга попытались побудить Ираклия II восстановить порядок внутри царства, упразднить уделы, укрепить вооруженные силы. В письме от 30 апреля 1796 г. светлейший князь П. А. Зубов специально подчеркивал, что все усилия русских войск без наведения порядка внутри царства будут тщетны, а слабое грузинское царство будет бесполезно своим союзникам [13, с. 141]. В ответ царь Ираклий II откровенно заявил: «Возстановить единовластие и уничтожить уделы он, по старости лет, не может, предоставляя все на полную волю е.и.в» [13, с. 152]. В итоге уже в 1796 г. как в Петербурге, так и в Тифлисе стало ясно, что необходимо искать новый формат отношений между Россией и Восточной Грузией.

Смена царствования, вступление на российский престол Павла I, отложило решение этого вопроса на несколько лет. Прекратив Персидский поход, император продолжил политику,

проводившуюся российскими правящими верхами в первой половине 1790-х гг. В Петербурге по-прежнему стремились, не входя в военные издержки, путем дипломатии, создания дружественных России альянсов местных «владельцев» поддерживать свое влияние в Закавказье, в первую очередь в Восточной Грузии. Об этом ясно говорилось в рескрипте императора от 5 января 1797 г. генерал-аншефу И. В. Гудовичу: «В разсуждении царя карталинского..., соблюдать с сим владельцем всякое пристойное сношение, и его удерживать в добром согласии и единодушии с владельцами и областями, России более приверженными, дабы, в случае надобности, соединенными силами все они могли стать против покушающихся наших врагов, и мы колико можно меньше имели надобности вступаться за них вооруженною рукою» [8, с. 39–42].

В Тифлисе, наоборот, были заинтересованы в постоянном военном присутствии России в Закавказье. Получив известие о вступлении на российский престол Павла I, царь Ираклий в феврале 1797 г. отправил в Петербург своего полномочного министра князя Гарсевана Чавчавадзе, чтобы принести поздравления императору, а также просить оставить в Грузии русские войска для защиты от Ага Мухаммед-хана. Угроза со стороны правителя Ирана не исчезла. Более того вывод русских войск из Закавказья ободрил хана, который стал готовить новый поход против непокорных вассалов. Грузинскому царю был послан грозный фирман, в котором хан требовал дать письменное обязательство «быть в послушании» [13, с. 163]. В Петербурге не хотели повторения Тифлисской трагедии 1795 г., поэтому пошли навстречу просьбам царя, разрешив оставить в Грузии два батальона [13, с. 163].

Грузинский царь поручил своему послу также изложить русскому правительству проект установления новых отношений между Восточной Грузией и Российской империей [13, с. 166]. Выполняя распоряжение царя, Гарсеван Чавчавадзе 11 июня 1797 г. сделал Павлу I соответствующее представление [13, с. 166]. Все пункты в этом документе можно разделить на две смысловые группы. Первая касалась обороны грузинского царства русскими войсками, вторая — его выведения из внутреннего политического кризиса. Что касается обороны, то царь снова просил оставить на территории царства русские войска в том составе, в каком они были введены туда в 1796 г., до того момента, «пока настоящие смутные обстоятельства минуют». После этого царь предлагал вернуться к системе Георгиевского трактата — постоянная дислокация двух батальонов пехоты с артиллерией. При этом он обязывался не использовать российский контингент за пределами границ царства без особого высочайшего разрешения. Ираклий также обещал без санкции императора не только не делать попытки расширить свои владения за счет соседей, но даже не вступать с ними в переговоры. Тем самым царь фактически отказывался от артикулов Георгиевского трактата, где русское правительство обещало содействовать ему в отнятии у турок Ахалциха, Карса, а также подчинении ему Эривани и Гянджи [13, с. 167–168]. Вторая часть предложений царя полностью выходила за рамки Георгиевского трактата, поскольку касалась внутренних дел царства. Из представления выяснялось, что русские батальоны нужны были царю не только для обороны царства от внешних врагов, но также в качестве своего рода внутренних войск, которые должны были удерживать «каждого в пределах своей должности», а также «укрощать» тех из подданных царя, которые «по какому-либо злоумышлению и восхотел бы нарушить всеобщую тишину и спокойствие» [13, с. 168].

Упоминания об удержании или укрощении подданных царя не было случайным, поскольку Ираклия в первую очередь беспокоил вопрос о престолонаследии, который он сам же усложнил, подписав в 1791 г. указ о том, что после его смерти царем будет Георгий, а после него престол перейдет к его сыну от царицы Дареджан — царевичу Юлону. Опомнившись, царь позже безуспешно пытался дезавуировать этот указ [8, с. 51]. Пытаясь исправить свою ошибку, Ираклий просил российского императора подтвердить, что его наследником является Георгий, путем присылки представителя императора с «высочайшей конфирмацией, или подтверждением сего Наследника для извещения о том народа сего». Таким образом, Ираклий пытался избежать после своей смерти борьбы за престол среди своих сыновей, обращаясь к российскому императору как гаранту исполнения его царской воли относительно престолонаследия [8, с. 51].

Царь Ираклий также предлагал распространить на грузинское царство «всероссийский закон для управления государством его, дабы оным исторгнуть некоторые, вкравшиеся издревле, азиатские несправедливые судопроизводства, служащие во вред и в противность Православному христианскому исповеданию». Грузинский царь, таким образом, при помощи России надеялся превратить слабую средневековую грузинскую монархию в современное государство, европейского образца [13, с. 169].

Цели Ираклия II были понятны, но оставалось не ясным, во-первых, захочет ли русское правительство взять на себя труднейшую задачу по превращению Восточной Грузии в сильное, современное государство, а во-вторых, сможет ли оно выполнить эту задачу в том виде, как это предлагалось грузинским царем.

Между тем ситуация в Закавказье резко изменилась. 1 июня 1797 г. Ага Мухаммед-хан захватил крепость Шуша, где через четыре дня был убит двумя своими слугами. Устранение персидской угрозы волей случая давало Ираклию шанс перейти к активной наступательной политике и вернуть для начала под свою власть Эривань и Гянджу. Царь торопил своего представителя в Петербурге князя Гарсевана Чавчавадзе сделать соответствующие запросы [13, с. 171].

Но русское правительство не отвечало. Все его внимание было в тот момент сосредоточено на обострившихся отношениях с Францией. Тайная подготовка Наполеоном Бонапартом экспедиции в Египет породила множество слухов, распространявшихся по Европе. В Петербурге в 1796—1797 гг. ожидали возможного нападения французского флота на черноморское побережье. На всякий случай император Павел I распорядился привести черноморский флот в боевую готовность, а также укрепить побережье [9, с. 299]. Вероятно, именно с этой «военной тревогой» было связано принятое императором в конце августа или начале сентября 1797 г. решение срочно вывести остававшиеся в Грузии батальоны. Принятие такого решения облегчалось тем, что угроза со стороны Ага Мухаммед-хана уже исчезла и можно было в ближайшее время не опасаться за безопасность грузинского царства. Что касается набегов «лезгин», то русское правительство считало, что царь сам сможет справиться с этой проблемой.

В начале декабря 1797 г. полномочный министр грузинского царя наконец получил устный отрицательный ответ на предложения Ираклия II. Тогда князь Гарсеван Чавчавадзе направил на имя канцлера А. А. Безбородко довольно резкое письмо с требованием дать ответ на предложения царя в письменной форме. В связи с выводом войск, а также отрицательной реакцией Петербурга на проект Ираклия посол прямо ставил вопрос: «Еще... нужнее мне знать о торжественном договоре, который пред всевидящим и правдолюбивом Богом, постановлен высочайшим двором Российским и Грузиею, — существует ли он или нет?» [13, с. 177].

Конечно Чавчавадзе сознавал, что договор фактически перестал действовать, во всяком случае, на тот момент. Петербург отказывался выполнять главный для грузинской стороны пункт касательно посылки войск. Тогда он делает последнюю попытку побудить русское правительство вернуть батальоны в Грузию, направив 31 декабря 1797 г. новое представление императору Павлу I. Одновременно князь решил предложить российскому правительству альтернативный план поддержания союзных отношений. Его центральным пунктом являлась просьба к императору разрешить Ираклию II приглашать к себе на службу черкесов (имелись в виду кабардинцы) для защиты царства. Князь Чавчавадзе также просил дать «милостивую, утешительную грамоту» царю Ираклию, его наследнику Георгию и всему грузинскому народу [13, с. 179—181]. Несколько необычно на фоне военно-политических вопросов выглядела отдельная просьба посла вернуть грузинам Крест Господень, который по церковному преданию туда принесла Св. Нина. Вероятно, Чавчавадзе, зная наделавшую много шума историю принятия Павлом I осенью 1797 г. под свое особое покровительство Мальтийского ордена, решил таким образом привлечь внимание императора к грузинским делам. Как знать, может быть, расчет посла в конечном счете оправдался. Но ситуация снова переменялась. В Петербург пришло известие, что 11 января 1798 г. в Телави скончался царь Ираклий II Теймуразович.

В апреле 1798 г. князь Гарсеван Чавчавадзе известил Коллегию иностранных дел о вступлении на престол нового царя Георгия XII. Вопреки статьям Георгиевского трактата грузинский царь не спешил прислать в Петербург прошение об инвеституре. Его представитель вынужден был извиняться, ссылаясь на множество дел, которыми был занят царь [13, с. 278]. Действительно Георгий должен был, преодолев сопротивление царицы Дареджан и ее детей, утвердиться на престоле. В итоге ему удалось привести к присяге себе на верность большую часть знати, а затем установить хрупкое перемирие с царицей и её сторонниками [8, с. 57]. Тем не менее занятый борьбой за власть, царь все же мог бы найти время, чтобы отправить в Петербург посольство с прошением об инвеституре. Забывчивость царя скорее указывала на то, что в Тифлисе в это время перестали воспринимать Россию как своего покровителя.

Что же заставило грузин снова вспомнить о Георгиевском трактате? Дело в том, что вновь обозначилась иранская угроза. Расчет на то, что после смерти Ага-Мухаммед хана Иран снова погрузится в пучину междоусобиц, не оправдался. В короткое время племянник Ага-Мухаммеда — Фетх-Али (Баба-хан) — разбил других претендентов на шахский трон и восстановил поряд-

док в государстве [14, с. 393–394]. В июне 1798 г. он прислал царю Георгию XII грозный фирман с требованием выслать ко двору шаха в качестве заложника одного из своих сыновей. В случае отказа шах грозил окончательно разорить Восточную Грузию [13, с. 182].

Получив фирман, грузинский царь стал метаться в поисках выхода. Предстояло сделать сложный выбор. В Петербург спешно были отправлены письма с просьбой о помощи. Прежде чем прислать российскому императору прошение об инвеституре, в Тифлисе прагматично хотели получить подтверждение, что Россия окажет военную помощь. Об этом говорит письмо царевича Давида от 28 июня 1798 г. к армянскому архиепископу Иосифу Аргутинскому: «...царь (Георгий) приказал, чтобы ты заявил князьям Безбородко и Куракину, что наше положение чрезвычайно тяжелое: если мы от них (русских) откажемся, то стыдно будет нам за наше слово и честь, — и как нам от них отказаться? — боимся притом данной нами присяги. Если же не откажемся, то Грузия подвергнется еще большему опустошению теперь, чем это случилось при царе Ираклии, — и по этому случаю находимся в большом смятении» [13, с. 279–280]. Наконец, 30 июня 1798 г. царь Георгий XII решил отправить письмо на имя императора Павла I, а также канцлера А. А. Безбородко с извещением о принятии «законного наследства», а также «о покровительстве и защите, которая обещаны нам во святом и ненарушимом оном Трактате» [13, с. 280]. Понимая, что надо объяснить задержку с запросом об инвеституре, Георгий лукаво писал, что он «об этом в свое время в. в-ву чрез графа Гудовича представлял, но таковое мое послание не застало графа Гудовича на линии, и не знаю куда оно делось» [13, с. 281].

Грузинская дипломатия за три столетия борьбы за выживание мастерски освоила искусство балансирования между Турцией, Ираном и Россией. Последовавшие в промежутке между июнем и октябрём 1798 г. события еще раз это продемонстрировали. Добиваясь помощи от России, царь Георгий и царевич Давид стали дозированно давать в Петербург информацию о том, что они вынуждены начать переговоры с Фетх-Али ханом. Расчет делался на то, что в Петербурге не захотят уступать Восточную Грузию шаху, а перед угрозой нового вторжения персов пришлют войска. Так, в письме от 6 июля 1798 г. царевич Давид писал Гарсевану Чавчавадзе: «И теперь не знаем, что делать, ибо сей есть последний день для разлучения Грузии с Россиею, и мы к нему отправим человека с тем, что министерии (переговоры — М. В.) проводил малое время, и ежели вскорости от вас ничего не будет, то наш Тифлиз будет у других в руках, и мы не разоримся» [13, с. 184].

Действительно, к Фетх-Али хану был направлен князь Цицианов, который, однако, узнав, что против шаха восстали некоторые провинции, решил вернуться с половины пути. Тем временем Георгий, не получая известий из Петербурга, решил подстраховаться и обратился с просьбой о защите к Порте. К турецкому султану с формальным прошением о подданстве был отправлен Аслан Орбелиани, шурина царя. В Ахалцихе его с большим почетом принял паша. Но пока князь ожидал разрешения отбыть в Константинополь, к нему пришел приказ царя Георгия тайно отослать обратно прошение о подданстве султану, чтобы его не перехватил паша [5, с. 445–446]. Как раз в это время, в первой половине августа 1798 г., из Петербурга наконец пришел положительный ответ на запросы грузинского царя.

Что заставило русское правительство пойти навстречу его требованиям? Отчасти решение было принято под влиянием дипломатической игры грузинского царя. Русское правительство продолжало твердо отстаивать давно определенную (со времен Петра I) зону своих интересов в Закавказье, куда безусловно входило Картли-Кахетинское царство. Так, когда весной 1798 г. в Петербург прибыл от Фетх-Али хана посол Ага Мир Сеит Гасан для переговоров по возобновлению русско-иранской торговли, в Коллегии иностранных дел не забыли сделать послу внушение «дабы Баба-хан отложил в сторону всякие притязания к царю картлинскому и его владениям» [5, с. 434–435.] Неудивительно, что в Коллегии были неприятно удивлены, когда в июле 1798 г. стало известно, что грузины ведут переговоры с Фетх-Али ханом, а также собираются, в случае отсутствия поддержки со стороны России, отказаться от Георгиевского трактата.

Осенью 1798 г. процесс восстановления российско-грузинских союзных отношений уже шел полным ходом. 11 октября 1798 г. Георгий XII писал директору Азиатского департамента Коллегии иностранных дел С. Л. Лашкареву: «Все, о чем мы желаем просить у е.и.в. изложено нами в нескольких пунктах; вам также послали мы копию с этих просительных пунктов» [13, с. 187]. К этому времени царь Георгий уже получил от Павла I «монаршей милостью наполненную Грамоту», в ответ на которую он составил свое прошение — утвердить его на царство, а сына Давида — наследником; прислать в Грузию «на вечное пребывание» трехтысячный корпус, а в случае

нападения еще дополнительный семитысячный корпус [9, с. 303; 13, с. 188–190]. В ноябре 1798 г. с этим прошением в Петербург был направлен князь Авалов.

16 декабря 1798 г. посол Чавчавадзе представил ноту о возобновлении договора о протекторате. 11 февраля 1799 г. Коллегия иностранных дел дала ему положительный ответ, извещая об отправлении в Грузию трех тысяч солдат с артиллерией, а также об отъезде туда полномочного министра П. И. Коваленского. В рескрипте к нему 16 апреля 1799 г. признавалось, что посылка войск делается под давлением внешних обстоятельств: «Интересы наши в рассуждении края того суть, конечно, чтоб в оном никогда не могло установиться какое-либо твердое владычествование под наименованием шаха или другим, дабы таким образом не иметь сильного соседа, который ежели не самим нам может наносить беспокойство, то по крайней мере вредить будет владельцам, нам преданным» [3, с. 96].

18 апреля 1799 г. Высочайшей грамотой Георгий был утвержден на царстве, а его сын Давид — в качестве его наследника со ссылкой на третью статью Георгиевского трактата [13, с. 204–205]. Вслед за известным грузинским историком и правоведом З. Д. Аваловым обратим внимание на то, что грузинский царь просил об утверждении не только себя, но и своего наследника Давида. Между тем в Георгиевском трактате ничего не говорилось о таком праве российского императора. Более того, из трактата следовало, что вопрос о замещении престола является сугубо внутренним вопросом грузинского царства и решается независимо от желания сюзерена [1, с. 103].

Смысл просьбы с грузинской стороны был прост. Георгий желал обеспечить своему сыну политическую поддержку со стороны российского императора. Здесь можно поспорить с З. Д. Аваловым, который утверждал, что «подтверждением прав Давида как наследника Император не создавал ему этих прав — этого он не мог, так как по трактату, не имел на то власти, а брал лишь на себя перед царем обязанность оказать содействие сыну его» [1, с. 103]. Наоборот, именно эта просьба Георгия с юридической точки зрения инициировала процесс пересмотра Георгиевского трактата, поскольку создавался прецедент, расширяющий права российского императора в отношении грузинского престола. Правда, Павел I, давая такое утверждение, также не думал о том, насколько это вяжется с Георгиевским трактатом, на который он ссылался.

В ноябре 1799 г. полномочный русский министр прибыл в Тифлис, доставив грузинскому царю инвеститурные знаки. Вместе с министром в столицу царства прибыли русские войска — 17-й егерский полк под командой генерал-майора И. П. Лазарева. 12 декабря 1799 г. в торжественной обстановке Георгий XII принял царскую инвеституру и присягу на верность России [3, с. 75]. Таким образом, в конце 1799 г. отношения между Россией и Грузией, снова стали определяться статьями Георгиевского трактата.

Между тем коронация Георгия XII, прибытие в Грузию русского полномочного министра и русских войск — все это, естественно, обострило отношения Российской империи с Ираном. Министр Ирана Хаджи Ибрагим хан предъявил русскому министру П. И. Коваленскому претензии относительно Грузии: «... Всем известна истина, что с самого того времени, как весь Земной шар разделился на четыре части, Грузия, Кахетия и Тифлис заключались в Иранском государстве..., а во владении Российском никогда не были» [3, с. 97]. К границам Закавказья было выдвинуто войско под номинальным командованием малолетнего сына шаха Аббас-мирзы, которого опекал дядя Сулейман-сердарь. Но действия Аббас-мирзы были неудачными. Узнав, что в Грузию в сентябре 1800 г. прибыли дополнительные русские войска, персы решили отступить.

Тем временем в самом грузинском царстве ситуация не только не стабилизировалась, но стала ухудшаться. Тактический ход Георгия XII (заставить Павла I выступить гарантом передачи картли-кахетинского престола его сыну Давиду) автоматически сделал остальных царевичей врагами Российской империи. Традиционно одним из политических ресурсов в придворной борьбе для грузинских принцев являлось обращение за помощью и покровительством ко двору персидского шаха или турецкого султана. В начале 1800 г. царевич Александр сначала спешно отправился в Ахалцих, откуда уже направился в лагерь персидских войск на берегу р. Аракс к Аббас-мирзе. Цель прибытия Александра в персидский лагерь была ясна. Он намеревался с помощью персидских войск овладеть царским тронном [8, с. 105]. Царевич прибыл вовремя, чтобы присоединиться к создаваемой персами коалиции враждебных царю Георгию XII, а следовательно, России, закавказских владетелей — гянджинского, шушинского, шекинского ханов. Встретившись в Шуше, три хана, к которым также примкнул царевич и Умма-хан аварский, договорились о совместном выступлении. Над Грузией нависла серьезная опасность быть окончательно разоренной отрядами «лезгин» и «адербейджанских» ханов.

На пути нового погрома грузинского царства стояли только русские войска. 4 августа 1800 г. генерал-майор И. П. Лазарев писал К. Ф. Кноррингу: «А на Грузию надеяться нечего, у них на 10 человек два ружья, а прочие вооружены кизилowymi обожженными палками, да к тому еще присовокупить должно, что здесь внутренний беспорядок, что все бунтуют, всё из города бежит, но ныне наши караулы не пускают» [3, с. 86]. Решительность русских генералов спасла ситуацию. Когда в начале ноября 1800 г. Умма-хан аварский попытался снова вторгнуться в Кахетию, его войско было разбито 7 ноября 1800 г. в кровопролитном сражении на берегах р. Иори.

Однако угроза вторжения со стороны Ирана продолжала сохраняться, что тревожило царя Георгия. Малочисленность русских войск вызывала у царя и его ближайшего окружения беспокойство. В Тифлисе понимали, что артикулы Георгиевского трактата не смогут заставить русское правительство направить в Восточную Грузию очень крупные военные силы. Более того, царь и его окружение понимали, что в любой момент в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры русские войска могут быть выведены. Российской империи не хватало сил для защиты собственных южных рубежей. Поэтому в конце своего правления царь Ираклий II пытался нащупать такой новый формат отношений с Россией, который настолько заинтересовал бы российские правящие круги, чтобы они согласились постоянно держать крупные военные силы за кавказским хребтом. После смерти царя Ираклия идея более тесного союза с Россией окончательно созрела в ближайшем окружении царя Георгия XII. В итоге осенью 1799 г. царь посылает в Петербург посольство во главе с Георгием Аваловым и Елаеазаром Палавандовым с целью представить российскому императору знаменитые «просительные пункты».

В письменных полномочиях от 7 сентября 1799 г. грузинских послов было записано: «Царство и владение мое отдайте непреложно и по христианской правде и поставьте его не под покровительство Императорского Всероссийского престола, но отдайте в полную его власть и на полное его попечение, так чтобы отныне царство Грузинское было бы в Империи Российской на том же положении, каким пользуются прочие провинции России» [13, с. 287]. В этом месте снова позволим себе привести обширную цитату из книги З. Д. Авалова: «Инкорпорация есть акт, посредством которого власть государства распространяется на так или иначе присоединяемую к нему область. Инкорпорации могут предшествовать различные события и правоотношения, создающие власть государства над присоединяемой территорией. В одном случае это может быть завоевание, в другом добровольная уступка, в третьем — купля-продажа и т. д. Но когда речь идет о добровольном присоединении, то этот (всегда односторонний) акт инкорпорации должен следовать за другим актом (или актами), в котором обнаруживалось бы соглашение относительно утраты самостоятельности с одной стороны и принятия в подданство с другой» [1, с. 108–109].

Как юрист и историк З. Д. Авалов точно указал на центральный момент истории вхождения Грузии в состав России. Главный вопрос заключается в том, был ли документ, который ясно говорил об отречении грузинского царя от своих прав в пользу русского императора. В поисках ответа на этот вопрос исследователи, как правило, обращались к анализу трех известных им документов: «просительные пункты», манифест Павла I и манифест Александра I. Не будем прерывать традицию и также последовательно рассмотрим эти документы.

24 июня 1800 г. грузинские послы по уполномочию Георгия XII представили в Коллегию иностранных дел ноту из шести пунктов для оформления нового соглашения между двумя странами. Вероятно, в Петербурге при участии уже Коллегии эти шесть пунктов расширили до шестнадцати. 17 ноября 1800 г. нота и «просительные пункты» были поданы от имени царя Георгия XII князем Чавчавадзе на рассмотрение императору. Через два дня Павел I одобрил все пункты [3, с. 179–181].

Предложенные уполномоченными грузинского царя и одобренные императором Павлом «просительные пункты» кардинально меняли характер отношений России и Грузии. Рассмотрим пункты не в формальном порядке, а с точки зрения внутренней логики документа. В них говорилось: «Е.в. царь Георгий Грузинский, Кахетинский и прочих, наш государь, вельможи, духовенство и народ его желает единожды навсегда принять подданство Всероссийской Империи, обязуясь свято исполнять все то, что исполняемо Российским подданными, не отрекаясь ни от каких законов и повелений, сколько силы того царства позволять будут, с признанием Всероссийского Императора за своего природного Государя и Самодержца, — и далее, — добровольно подвергши себя и царство подданству Всероссийской Империи и иметь им, царям, главное в своем царстве правление по тем законам, кои от Всевысочайшего двора даны быть

имеют. От себя ж им без особого повеления никаких узаконений не вводить» [3, с. 179–181]. Таким образом, грузинский царь полностью уступал российскому императору свои законодательные prerogatives.

Затем в документе говорилось: «...Доходы же царства Грузинского е.в. царь, так как подданный, представляет в полную власть Г. И. обратить куда Е. В. благоугодно, на содержание войск и на другие тамошние надобности для первых времен...». То есть Георгий отказывался и от своего права распоряжаться доходами своего царства. «Все подданные царя Грузинского, как дворянство, духовенство, купечество, так и прочий ремесленный народ имеет быть на равных правах и законах, как и Российские подданные» [3, с. 179–181]. В данном случае речь идет о вхождении Грузии в правовое пространство Российской империи без всякого изъятия.

Уступая все эти ключевые для суверенного монарха права, Георгий в обмен на это требовал выполнить следующие его условия. Первое: «Всепоподданнейше просить, чтоб при вручении царства его был он оставлен, а по нем и наследники его на престоле с титулом царей». Георгий просит оставить его правителем Грузии с формальным титулом царя, то есть своего рода наместником российского императора. Далее Георгий требовал: «Для наивысшего и действительного себе узаконения и приверженности к подданству е. в. Царь просит к доказательству верности своей Всемилоостивейше определить ему жалованье и содержание и пожаловать в России деревни». Как любой российский подданный, принадлежащий к привилегированному сословию империи, Георгий, оставшись без источников доходов, просит императора возместить ему эту потерю, пожаловав его крепостными. И наконец главное условие, из-за которого, очевидно, Георгий инициировал процесс вхождения Грузии в состав Российской империи. В документе говорится: «По принятии в Высочайшее подданство царя и царства его на первые времена необходимо нужно в тех местах иметь до 6000 человек войска, коим занять все те места, где благоприятно будет главноначальникам тех войск, к защищению от соседственных бродяг, также нужна принадлежащая к оным артиллерия и с прочим оружием» [3, с. 179–181].

Разобрав содержание просительных пунктов, можно сделать однозначный вывод, что на самом деле этот документ практически стирал грань между полной инкорпорацией и сохранением автономии Грузинского царства. В качестве единственного напоминания об автономии Грузии оставалось бы сохранение в качестве правителей или, точнее говоря, наместников российского императора в Грузии (с царским титулом) представителей не просто грузинского царского дома, а, подчеркнем это, именно потомков царя Георгия. В случае обоюдного утверждения «просительных пунктов» грузинский царь переставал быть суверенным монархом, более того, теперь только от воли российского императора зависело, будут ли Багратиды по-прежнему управлять Грузией в должности наместников или нет. Не надо забывать, что российский император, согласно законам Российской империи, был монарх самодержавный.

В дальнейшем процесс инкорпорации должен был идти по следующему сценарию. Грузинские уполномоченные князья Г. Авалов и Е. Палавандов отправились бы из Петербурга в Грузию с тем, чтобы привезти царю Георгию на его утверждение список ноты с «просительными пунктами». После подписания этого документа царем те же князья, уже в ранге послов царя и всего царства, должны были отправиться обратно в Петербург, везя с собой «благодарительную грамоту». После их прибытия в столицу с особой торжественностью должен был быть заключен «обоюдный императорский акт».

Однако этого не произошло. Снова процитируем З. Д. Авалова: «В действительности же характер присоединения не выразился с отчетливостью в юридических актах; не произошло этого потому, что одновременно с отправлением грузинских уполномоченных, с указанной целью, в Тифлис, задуман и постепенно приведен в исполнение другой цикл распоряжений, имеющих источником единственно инициативу и волю русского правительства. И именно этот цикл заканчивается бесповоротно инкорпорацией Грузии, тогда как первая, единственно правомерная и правильная линия обоюдного двустороннего соглашения, внезапно обрывается и уступает постепенно, но очень скоро, новому порядку вещей» [1, с. 113].

Позволим себе не согласиться с известным исследователем. Никакого другого цикла распоряжений русского правительства не было. В политический процесс инкорпорации вмешались объективные обстоятельства, которые исказили этот процесс, сделав его с формальной юридической точки зрения не вполне полноценным.

К моменту апробирования Павлом I «просительных пунктов» инициатор самого процесса присоединения Восточной Грузии царь Георгий XII был тяжело болен и находился при смерти. Зная об этом и опасаясь, что смерть царя может затормозить уже начатый политический

процесс, Павел I дал 15 ноября 1800 г., еще до апробации «просительных пунктов», рескрипт генералу Кноррингу, в котором говорилось: «Ослабление здоровья царя дает повод ожидать его кончины; почему и отправьте, коль скоро она последует, немедленно туда объявление от имени Нашего, чтобы до получения от Нас соизволения даже не было приступаемо к назначению преемника на царство Грузинское. Дело сие трактуется здесь и в скором времени отправлен будет из полномочных Грузинских здесь находящихся, для принесения Нам от царя и народа Грузинского грамоты и желания их быть в Нашем подданстве и под управлением наших законов» [3, с. 177–178].

С формальной точки зрения Павел I вроде бы не имел права не допускать наследников к престолу, поскольку это являлось нарушением начал Георгиевского трактата, не позволявшего вмешиваться во внутренние дела Грузии. Но надо учитывать созданный самим Георгием прецедент утверждения российским императором наследника грузинского престола. Ситуация вокруг престолонаследия в Грузии оставалась крайне запутанной, а между тем российский монарх являлся гарантом соблюдения воли царя Георгия о передаче престола царевичу Давиду. Кроме того, император должен был позаботиться о доведении до конца, начатого уже политического процесса, поскольку это соответствовало интересам империи.

18 декабря 1800 г. последовал знаменитый манифест Павла I, который вроде как решил участь Грузинского царства, объявив о его присоединении к Российской империи, до заключения «обоюдного акта». Но, во-первых, манифест был послан генералу Кноррингу с условием не публиковать его до того, как царь Георгий XII подпишет согласованные в Петербурге «просительные пункты». А во-вторых, вчитаемся внимательнее в текст манифеста, в котором говорилось следующее: «Определили Мы исполнить Царя Георгия Ираклиевича и Грузинского народа желание, и для того повелели, сколько для удержания внутреннего в земле устройства, столько для ограждения оной от внешних нападений ввести войска Наши в области Грузинские. И сим объявляем Императорским нашим словом, что по присоединении (то есть после завершения процесса инкорпорации — М. В.) Царства Грузинского на вечные времена под Державу Нашу не только предоставлены и в целости соблюдены будут Нами, любезноверным новым подданным Нашим Царства Грузинского и всех оному подвластных областей, все права, преимущества и собственность законно каждому принадлежащая...» [12, с. 502]. Анализ данного ключевого фрагмента манифеста позволяет сделать вывод, что это было только предварительное объявление (так сказать декларация о намерениях) грузинскому населению о предстоящем вхождении Восточной Грузии в состав Российской империи.

Чем же объясняется, что манифест этот, не являвшийся по своему содержанию собственно манифестом о вхождении Грузии в состав Российской империи, стал восприниматься как таковой? Как нам кажется, это произошло опять вследствие стечения объективных обстоятельств. Дело в том, что 28 декабря 1800 г., не дождавшись прибытия из Петербурга своих уполномоченных, скончался царь Георгий XII. Он не успел ознакомиться с петербургским вариантом «просительных пунктов», уже одобренных императором, и не поставил под ними своей подписи. Документ не успел обрести полную юридическую силу.

На заключительной стадии политический процесс вхождения Грузии был приостановлен, но не прекращен. Прибывшие в Тифлис вскоре после кончины царя Георгия XII послы князя Авалов и Палавандов вручили царевичу Давиду грамоту императора Павла I. 15 января 1801 г. царевич Давид опубликовал воззвание к грузинскому народу, в котором заявлял: «...Высочайше повелено мне торжественно приблизиться к трону Грузии по наследству, в звании правителя оной». Через несколько дней, 18 января 1801 года, в Петербурге был опубликован манифест, подписанный Павлом I еще 18 декабря 1800 г., где говорилось о согласии императора удовлетворить прошение царя Георгия и всего народа грузинского о принятии Грузии в непосредственное подданство Российской империи. В один день с опубликованием манифеста в Петербурге царевич Давид писал Кноррингу, что согласно Высочайшей воли он отправил князей Авалова и Палавандова к Государю полномочными министрами, как от себя, «так и от здешних духовенства и светских вельмож с благодарными письмами».

Процесс вхождения Грузии в состав Российской империи был близок к завершению. По прибытии полномочных министров должна была состояться торжественная аудиенция, которая завершилась бы, вероятно, подписанием «обоюдного акта». Однако смерть Павла I в результате дворцового переворота 11 марта 1801 г. не дала возможности должным, правомерным образом завершить начатое дело. Не удалось оформить «обоюдный акт». Вследствие этого манифест, подписанный 18 декабря 1800 г. остался единственным весомым юридическим свидетельством

начатого царем Георгием XII и императором Павлом I процесса инкорпорации Восточной Грузии в состав Российской империи.

Подписать «обоюдный акт» мог бы вступивший на российский престол император Александр I. Тем более что в апреле 1801 г. прибывшие в Петербург грузинские полномочные подали соответствующую ноту, в которой просили «Е. В. Всемилостивейшего Государя нашего, дабы Он подтвердил принятие царства сего в подданство заключением торжественного Императорского акта» [13, с. 226]. Однако Александр I был против присоединения новых земель к империи. На заседании Непременного совета 15 апреля 1801 г. было озвучено, что император испытывал «крайнее отвращение... поступить на принятии царства того (то есть Картли-Кахетии — *М. В.*) в подданство России, почитая несправедливым присвоение чужой земли» [6, с. 25].

Предстояло принять трудное решение. Император колебался. Однако члены Совета сформулировали ряд весомых аргументов в пользу принятия Картли-Кахетии в состав империи. Первый аргумент заключался в том, что ранее опробованная система протектората России над грузинским царством не оправдала себя. «Покровительство же, какое доселе Россия давала Грузии, — говорилось в журнале заседания Совета, — имеет взаимных неудобств столько, что между совершенным оставлением последней и принятием ее в подданство первой нет середины. Дабы всегдашнее доставить Грузии спокойствие, покровительствуя оной, Россия должна будет всегда же держать в сей земле и достаточно войск на ограждение ее от нападений неприятельских, что составит для государства иждивение совсем напрасное и не доставляющее никакой ему выгоды. А посылать войска на помощь Грузии, тогда как оные ей будут надобны, никакой для сего царства не принесет пользы, потому что в одном приготовлении пути войску российскому для похода чрез горы уйдет столько времени, сколько не нужно сопредельному Грузии неприятелю на совершенное ее разорение. И потому верно заключить можно, что с первым выходом российских войск из грузинских областей настанет тому царству неизбежная гибель» [6, с. 25].

Можно было предоставить Восточную Грузию самой себе, но это повлекло бы за собой крайне отрицательные последствия не только для грузинского царства, но также для Российской империи. В том же журнале заседания Совета 15 апреля 1801 г. читаем: «Но и для самой России вредно покидать Грузию. Оставленная своему жребию, земля сия сделается необходимо жертвою соседей своих, и христианское в той стране владение истребится. Сие одно уже угрожает границам российским пагубнейшими бедствиями... Может еще случиться, что народ грузинский, избегая конечного разорения от соседей своих, отдастся в подданство Порте. И при сем уже событии следствия, кои от того произойти могут для России, являют поистине страшную картину. Единоверие соединит, конечно, все толпы обитателей Кавказских гор под владычество турецкое, и что тогда должно будет противопоставить совокупным силам их в случае разрыва с Портою, коего всегда от собственного турков непостоянства и от внушений посторонних держав ожидать можно? Какими средствами оградить пространство более восьми сот верст, где с российской стороны представляется неприятелю свободный вход в места ровные, ничем не пресекаемые, с неприятельской же — при первом шаге встречаются неприступные горы?» [6, с. 26].

Кроме того, члены Совета на заседании 15 апреля 1801 г. обратили внимание на тот факт, что процесс присоединения грузинского царства был уже завершен, следовательно, отказ императора признать это, мог нанести ущерб чести империи. Члены Совета сослались на ноту грузинских представителей: «Поелику в пунктах Ноты, которую полномочные намерены по Аудиенции подать, в каждом они пишут, что уже есть верноподданные Империи всероссийской, да как уже и манифест о принятии их в подданство обнародован, то и противно славе и достоинству высочайшего Двора оставить то Царство и отдать на расхищение соседственным державам» [13, с. 224]. Дело в том, что 16 февраля 1801 г. все жители Тифлиса присягнули на верность своему новому государю — императору Всероссийскому. Таким образом, грузинские уполномоченные имели основание считать, что грузинское царство уже принято в подданство Российской империи.

Император Александр I вынужден был прислушаться к мнению первых сановников империи. Однако он хотел окончательно убедиться в справедливости выдвинутых ими аргументов. С этой целью было решено направить в Тифлис с инспекционной миссией генерал-лейтенанта К. Ф. Кнорринга. В рескрипте императора к генералу от 19 апреля 1801 г. перед ним ставились следующие задачи: 1. Прояснить, «действительно ли внутреннее и внешнее положение сей страны таково, что с едиными силами своими не может она ни противостоять властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набеги облегающих его горских народов, ни потушить

внутренняя вражда, междоусобную войну ей грозящая»; 2. Выяснить, насколько единодушно и осознанно все сословия царства и народ хотят перейти под власть Российской империи [3, с. 419].

24 мая 1801 г. генерал К. Ф. Кнорринг прибыл в Тифлис, отстранил от правления царевича Давида и создал временное верховное правление во главе с генералом И. П. Лазаревым. Инспекция генерала открыла крайне неприглядную картину военной слабости царства и распространения в нем анархии, вызываемой, прежде всего, политической борьбой членов грузинского царского дома. В представленном императору докладе от 28 июля 1801 г. К. Ф. Кнорринг писал: «Внутреннее и внешнее положение сей страны таково действительно, что с едиными силами своими не может она ни противостать властолюбивым притязаниям Персии, ни отразить набеги облегающих ее горских народов» [6, с. 73]. В докладе генерал не скрывал, что грузинское общество расколото и не все представители знати хотят вхождения царства в состав империи, однако широкие слои выражали желание быть защищенными русскими войсками.

Вопрос о необходимости присоединения Картли-Кахетинского царства к Российской империи таким образом был решен положительно. Однако доклад генерала Кнорринга поставил новый вопрос: можно ли выполнить пункт «просительных пунктов» о сохранении в Картли-Кахетии царской династии? Этот вопрос был поднят на заседании Непременного совета 8 августа 1801 г. В ходе его обсуждения было обращено особое внимание на запутанность вопроса с престолонаследием. Российские правящие верхи вынуждены были выбирать между двумя законными претендентами на грузинский престол — царевичем Юлоном (согласно завещанию царя Ираклия II) и царевичем Давидом (утвержденным в качестве наследника императором Павлом I) [4, с. 1197–1199]. Существование двух претендентов неизбежно грозило началом в царстве смуты и междоусобицы. «Впрочем, — говорилось в журнале заседания Совета — Грузия ни от одного из них спасения себе не чает, и сам царь Георгий Ираклиевич предусматривал все бедствия от разврата фамилии царской для народа проистеци должествующия, иного избавления для него не изобрел, как утвердив в подданстве России, следуя видам родителя своего, который то же имел намерение» [4, с. 1197–1198].

Из журнала заседания Совета хорошо видна логика, которой руководствовались первые сановники империи. Присоединение грузинского царства к России являлось единственным на тот момент средством спасти его от полного разорения со стороны внешних врагов. Сохранение же династии могло сильно осложнить или даже сделать невозможным присоединение Восточной Грузии, так как Россия должна была бы поддержать одного из претендентов, а следовательно, фактически ввязаться в междоусобицу внутри царства. И все это происходило бы на фоне обострения отношений с Ираном и Турцией. Такого развития событий допустить было нельзя. Выбор между выживанием Восточной Грузии и сохранением династии был сделан в пользу первого.

Вывод Непременного совета был однозначен: «Все сии вновь открывшиеся обстоятельства не представляют Совету в присоединении Грузии ни малейшей несправедливости, а видит он в том спасение того края... Что же касается до особ царской фамилии и их содержания на будущее время, о том полагает Совет, что можно будет препоручить генерал-лейтенанту Кноррингу сделать распоряжение, оставя в Грузии тех из них кои по кроткому нраву и поведению не будут подавать о себе подозрения, что станут возмущать соседей или иные делать неурядицы, всех прочих выслать в Россию...». [4, с. 1197–1198].

Отказавшись от выполнения пункта «просительных пунктов» о сохранении царской династии, а также считая, на основании ноты грузинских представителей, что население Картли-Кахетинского царства уже принято в подданство, император Александр I вместо «торжественного акта» о принятии царства в состав империи подписал опубликованный 12 сентября 1801 г. манифест «Об учреждении нового правления в Грузии». Таким образом, главная цель — выживание Восточной Грузии и ее народа, с сохранением его веры и культуры, — ради которой был начат процесс инкорпорации Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи, была достигнута. Однако процесс оказался сложным, затрудненным разного рода объективными обстоятельствами. В итоге успешная по факту добровольная инкорпорация прошла с издержками в виде нарушения некоторых юридических формальностей, а также частичного пересмотра некоторых условий вхождения Восточной Грузии в состав Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Авалов З. Д.* Присоединение Грузии к России. — СПб., 2009. [Avalov Z. D. The accession of Georgia to Russia. Saint Petersburg, 2009; Avalov Z. D. Prisoedinenie Gruzii k Rossii. — SPb., 2009].
2. *Айрапетов О. Р., Волхонский М. А., Муханов В. М.* Дорога на Гюлистан. Из истории российской политики на Кавказе во второй половине XVIII — первой четверти XIX в. — М., 2014. [Airapetov, O. R., Volkhonskiy M. A., Mukhanov V. M. Road to Gulistan. From the history of Russian policy in the Caucasus in the second half of XVIII — first quarter of XIX century. — Moscow, 2014; Ajrapetov O. R., Volhonskiy M. A., Muhanov V. M. Doroga na Gjulistan. Iz istorii rossijskoj politiki na Kavkaze vo vtoroj polovine XVIII — pervoj chetverti XIX v. — M., 2014].
3. Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией. Т. 1. — Тифлис, 1866 [Acts collected by the Caucasian archaeological Commission. Vol. 1. Tiflis, 1866.; Akty, sobrannye Kavkazskoj Arheograficheskoy Komissiej. T. 1. — Tiflis, 1866].
4. Архив Государственного совета. Т. 3. Совет в царствование императора Александра I. 1801 — 1810 гг. Ч. 2. — СПб., 1878. [Archive of the State Council. Vol. 3. The Council, in the reign of Emperor Alexander I. 1801 — 1810 Part 2. Saint Petersburg, 1878.; Arhiv Gosudarstvennogo soveta. T. 3. Sovet v carstvovanie imperatora Aleksandra I. 1801 — 1810 gg. Ch. 2. — SPb., 1878].
5. *Бутков П. Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3 ч. — СПб., 1869. Ч. 2 [Butkov P. G. Materials for new history of Caucasus from 1722 to 1803: in three parts. Saint Petersburg, 1869. Part 2.; Butkov P. G. Materialy dlja novoj istorii Kavkaza s 1722 po 1803 god: v 3 ch. SPb., 1869. Ch. 2].
6. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского министерства иностранных дел. — М., 1960. Сер. 1. 1801—1815. Т. 1. Март 1801 г. — апрель 1804 г. [Foreign policy of Russia XIX and early XX century. Documents of the Russian Ministry of foreign Affairs. Moscow, 1960. Ser. 1. 1801—1815. Vol. 1. March, 1801 — April 1804; Vneshnjaja politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty rossijskogo ministerstva inostrannyh del. — M., 1960. Ser. 1. 1801—1815. T. 1. Mart 1801 g. — april' 1804 g.].
7. *Джанелидзе О., Сиамашвили Г.* По следам «белых пятен» истории Грузии // Национальные истории на постсоветском пространстве — II / Под ред. *Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова.* — М.: Фонд Фридриха Науманна; АИРО — XXI, 2009 [Janelidze O., Siamashvili G. In the footsteps of «white spots» the history of Georgia. National history in the post-Soviet space — II / Under the editorship of F. Bomsdorf, G. Bordugova. — Moscow: Friedrich Naumann Foundation; AIRO — XXI, 2009.; Dzhanelidze O., Siamashvili G., Po sledam «belyh pjaten» istorii Gruzii. // Nacional'nye istorii na postsovetском prostranstve — II / Pod red. F. Bomsdorfa, G. Bordjugova. — M.: Fond Fridriha Naumanna; AIRO — XXI, 2009].
8. *Дубровин Н. Ф.* Георгий XII. Последний царь Грузии и присоединение ея к России. СПб., 1867 [Dubrovin N. F. Giorgi XII. The last king of Georgia and its accession to Russia. — Saint Petersburg, 1867.; Dubrovin N. F. Georgij XII. Poslednij car' Gruzii i prisoedinenie eja k Rossii. — SPb., 1867].
9. *Маркова О. П.* Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. — М., 1966. [Markova O. P., Russia, Transcaucasus and international relations in the XVIII century. — Moscow, 1966.; Markova O. P. Rossiya, Zakavkaz'e i mezhdunarodnye otnoshenija v XVIII veke. — M., 1966].
10. *Муханов В. М.* Спорные темы и вопросы совместной российско-грузинской истории в современном политическом контексте // В поисках путей нормализации российско-грузинских отношений. — Тбилиси, 2014 [Mukhanov, V. M., Controversial themes and issues of joint Russian-Georgian history in the modern political context, // In search of ways of normalization of Georgian-Russian relations. — Tbilisi, 2014.; Muhanov V. M. Spornye темы i voprosy sovместnoj rossijsko-gruzinskoj istorii v sovremennom politicheskom kontekste // V poiskah putej normalizacii rossijsko-gruzinskih otnoshenij. — Tbilisi, 2014].
11. *Муханов В. М.* Российско-грузинские отношения в гуманитарной сфере (текущее состояние и пути развития) // 25 лет внешней политике России: сборник материалов X Конвента РАМИ (Москва. 8—9 декабря 2016 г.). В 5 т. Т. 1. Внешняя политика России: Глобальное и региональное измерения. В 2 ч. Ч. 2 / Под общ. ред. *А. В. Мальгина.* — М., 2017 [Mukhanov V. M. Russian-Georgian relations in the humanitarian sphere (current state and ways of development) // 25 years the foreign policy of Russia. The collection of materials X RISA Convention (Moscow. December 8—9, 2016). In five volumes. V. 1. Russia's foreign policy: Global and regional dimensions. 2 h H 2 / Under the General editorship of A. V. Malgin. Moscow, 2017.; Muhanov V. M. Rossijsko-gruzinskie otnoshenija v gumanitarnoj sfere (tekushhee sostojanie i puti razvitija) // 25 let vneshnej politike Rossii. Sbornik materialov X Konventa RAMI (Moskva. 8—9 dekabnja 2016 g.). V 5 t. T. 1. Vneshnjaja politika Rossii: Global'noe i regional'noe izmerenija. V 2 ch. Ch. 2 / Pod obshh. red. A. V. Mal'gina. — M., 2017].
12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. — СПб., 1830. Т. 36. [Complete collection of laws of the Russian Empire. The meeting first. Saint Petersburg, 1830. Vol. 36.; Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. SPb., 1830. T. 36.]
13. *Цагарели А. А.* Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся к Грузии. Т. 2. Вып. 2. — СПб., 1902. [Tsagareli A. A. Diplomas and other historical documents of XVIII century related to Georgia. Vol. 2. Saint Petersburg, 1902.; Cagareli A. A. Gramoty i drugie istoricheskie dokumenty XVIII stoletija, odnosjashiesja k Gruzii. T. 2. Vyp. 2. SPb., 1902.]
14. *Sykes P. M.* A history of Persia. — London, 1915. Vol. 2.

Conquest or voluntary annexation? The political process of incorporation of Kartli-Kakheti on Kingdom into the Russian Empire, 1796 – 1801

Mikhail Volhonskiy, Ph.D. (history), senior researcher,
Center for the Caucasian studies and regional security,
Institute for International Studies, MGIMO.
E-mail: VolhonskyMA@yandex.ru

Summary. The article highlights the political process of accession in 1801, Kartli-Kakheti to the Russian Empire, which was the result of the development of Russian-Georgian relations in the second half of the XVIII century, the article shows that the military-political weakness of the Georgian Kingdom became the main reason for the failure of the prisoner in 1783 the Treaty of Georgievsk, according to which Russia took under its protectorate of Eastern Georgia. Awareness of this fact has forced both Georgian and Russian ruling upper classes to begin to seek new forms of allied relations. Ensuing after the death of king Irakli II between representatives of the Royal family fight for throne significantly weakened the Georgian Kingdom. In the face of external threats from Iran, the only way to keep Eastern Georgia from ruin was its accession to Russia.

Keywords: The Russian Empire, the Kartli-Kakheti Kingdom, Paul I, Alexander I, Erekle II, Giorgi XII, George's treatise, the Manifesto of 12 September 1801.